

И. Я. Кантеров

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

3-е издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2018

УДК 2(075.8)

ББК 86.2я73

К19

Автор:

Кантеров Игорь Яковлевич — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рецензенты:

Тажуризина З. А. — доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Аринин Е. И. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета.

Кантеров, И. Я.

К19 Новые религиозные движения : учебник для академического бакалавриата / И. Я. Кантеров — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 326 с. — (Серия : Бакалавр. Академический курс).

ISBN 978-5-534-07349-2

В учебнике рассматриваются проблемы вероучения и практики новых религиозных движений, не получившие освещения в отечественном и зарубежном религиоведении. Автор обращает внимание на теоретико-методологическое изучение природы новых религиозных образований, причины их возникновения, формы и приемы пополнения своих последователей. Впервые анализируется отношение основных традиционных религий к неорелигиозным объединениям, противодействие их распространению.

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений юридического и экономического профилей, аспирантов, преподавателей, а также практических работников правоохранительных и финансово-кредитных органов.

УДК 2(075.8)

ББК 86.2я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-07349-2

© Кантеров И. Я., 2007

© Кантеров И. Я., 2016, с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2018

Оглавление

Предисловие	5
Введение.....	10
Глава 1. Терминология	18
1.1. Как же их называть?	18
1.2. Нетрадиционные религии	26
1.3. Альтернативные религии.....	27
1.4. НРД как проявление «оппозиционной религиозности».....	29
1.5. Культ	32
1.6. Нью эйдж	51
1.7. Тоталитарные культы (секты)	53
1.8. Новые религиозные движения.....	59
Примечания	70
Глава 2. Новые религиозные движения на российских просторах...74	74
2.1. «Русская версия».....	74
2.2. Первые шаги.....	87
2.3. Причины возникновения и «факторы успеха».....	93
Примечания	99
Глава 3. Кто и почему становится последователем НРД?	101
Вместо введения.....	101
1.3. Обращение	102
2.3. Формы обращения.....	106
3.3. Численность	123
Примечания	128
Глава 4. Социальные ориентации и функции.....	130
Примечания	146
Глава 5. Традиционные религии и НРД.....	147
Введение.....	147
5.1. Римско-католическая церковь и НРД	148
5.2. Русская православная церковь и НРД.....	167
5.3. Ислам и НРД (на примере Татарстана)	198
5.4. Все религии, объединяйтесь!.....	217
Примечания	232
Глава 6. Антикультовое движение: идеология и практика.....	236
Примечания	280

Глава 7. Будущее НРД.....	282
7.1. Сценарии.....	282
7.2. Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства (Церковь Объединения).....	292
7.3. Церковь Последнего Завета	305
<i>Примечания</i>	320
Рекомендуемая литература	322
Новые издания по дисциплине «Религиоведение» и смежным дисциплинам.....	323

Предисловие

Все религиозные образования возникают с надеждой на успешную реализацию своих целей, которые очерчиваются как сугубо духовные, хотя обычно декларируется и связь между ними и решением проблем материального свойства. Никогда раньше за столь короткий срок в России не появлялось такого множества новых религиозных образований, как за последние два десятилетия. Становление и беспрепятственный бурный рост численности приверженцев религиозных новообразований начинается уже в годы перестройки. При всех различиях, этому феномену удалось утвердиться на духовно-религиозном пространстве многих стран мира, выработать механизмы пополнения рядов и нейтрализации угроз и вызовов, опасных для их существования. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России уже буйно расцвело множество немногочисленных (по количеству последователей) групп, лидеры которых страстно мечтали превратить небольшие объединения единомышленников в крупные движения. Происходит процесс активного и шумного выхода создателей и лидеров возникших групп в «массы». Схема использовалась стандартная: добывались средства, расклеивались афиши, арендовались помещения, в которых первоначально известные не более десятку людей пророки, мессии, «Христы», «Учителя», «Спасители» делали себе паблисити и обзаводились последователями.

Факты говорят о том, что бурная и бескомпромиссная «стартовая» конфронтация с «миром» и преобладающей религией может принести лишь временный, скоротечный успех, но гораздо чаще она и его не гарантирует. К успеху можно отнести лишь привлечение интереса к «новой вере» части населения, при этом плохо или совсем не разбирающейся в особенностях вероучительных доктрин. В неорелигиях больше всего привлекает новизна и даже экстравагантность вероучительных построений и не менее причудливые обряды. Во второй половине 90-х годов в социальных программах некоторых НРД наблюдается отход от бескомпромиссного осуждения существующей в России модели мироустройства. Мироотвергающая формула отношения к мирским реальностям постепенно заменяется мироисцеляющей. Наиболее заметные метаморфозы произошли с так называемыми «религиями кризиса», для которых была характерна предельная демонизация «Царства силы» («Церковь последнего Завета»), «Демократии типа Каина» («Церковь объединения»).

На уровне официальных документов у большинства структурированных типов НРД сегодня отсутствует открытая конфронтация с существующим в России общественно-политическим строем. Если оппозиционность и проявляется, то в форме выдвижения идеальной модели общества, весьма далекой не только от действующего в России типа общественного устройства, но и от всех стран мира.

Теперь новые религиозные движения акцентируют внимание на изменении религиозно-нравственного состояния общества и личности, демонстрируют лояльность к властям. Возглавляемая Виссарионом «Церковь последнего Завета» нормализовала отношения с государственными структурам Красноярского края. Двое последователей этого объединения являются руководителями сельских администраций, а двое других избраны депутатами районных советов. В подтверждение своего «нового курса» Виссарион направил два послания Владимиру Путину, а также Патриарху Алексию II, всем муфтиям России и Генеральному секретарю ООН.

На протяжении нескольких лет в лидерах новых религиозных образований находились Церковь Объединения (последователи учения корейского проповедника Сан Мон Муна), а в 1994 г. необычную активность стали проявлять российский филиал японской религиозной организации «Аум Синрикё» и «Церковь Последнего Завета», созданная Виссарионом. В немалой степени росту числа приверженцев Церкви Объединения и «Аум Синрикё» способствовало выделение значительных финансовых средств для осуществления активных миссионерских действий, создания широкой сети семинаров, воспитательных и образовательных структур. Наряду с изданием и распространением всевозможной печатной продукции «Аум Синрикё», например, сумела получить доступ и к электронным СМИ — вести часовые ежедневные передачи на радиостанции «Маяк» и еженедельные на московском телеканале «2×2».

По разным причинам некоторые разновидности НРД утратили свое лидерство. После известных трагических мартовских событий в токийском метро летом 1995 г. деятельность российского отделения «Аум Синрикё» была запрещена. Что же касается Церкви Объединения, то в ее деятельности произошло смещение основных усилий от проведения прямолинейных акций, направленных на приобщение людей к вероучению и обрядам организации, к организации разнообразных по тематике конференций, семинаров, «круглых столов». На них обсуждаются злободневные проблемы российской жизни: экономика, образование, состояние этноконфессиональных отношений. Много внимания уделяется «горячим точкам» в России и за ее пределами. Большинство таких акций осуществляется в рамках многочисленных проектов, призванных минимизировать издержки имиджа Церкви Объединения, порождаемые радикальными расхождениями ее вероучительной доктрины с основными конфессиями России. Все это неизбежно ведет к снижению роли религиозной составляющей самого движения, вос-

приятии его преимущественно как мирской организации. Результатом такого вынужденного маневрирования стало заметное сокращение численности последователей учения Муна.

Из бурно стартовавших неорелигиозных новообразований на плаву удается сохраняться разве что Саентологической церкви, правда, в последнее время и она сталкивается с жестким прессингом антикультистов, правоохранительных органов и судебных инстанций. Но и в этих условиях саентологи демонстрируют способность выживать, практикуя тщательно разработанные методики и формы распространения учения Р. Л. Хаббарда. К тому же они весьма активно и оперативно реагируют на негативные высказывания в свой адрес и случаи ущемления прав верующих и организации.

Лидерские позиции сегодня занимают анастасийцы. Это объединение имеет и другие названия — «Звенящие кедры», «Культ Анастасии», «Последователи учения Мегре». Помимо особенностей, характерных для НРД, анастасийцам свойственен устойчивый антиглобализм. Особой атаке подвергаются американские сети быстрого питания (прежде всего «Макдональдс»), предлагающие чрезмерно жирную и некачественную с точки зрения экологии пищу. «Духовно продвинутые» анастасийцы обходятся без телевизора и радио, обычные члены используют технику, только отключенную от теле- и радиоэфира. Анастасийцы ведут здоровый образ жизни, отказываются от алкоголя, наркотиков, вредных продуктов, занимаются спортом (в том числе моржеванием)¹.

Главным персонажем движения «Звенящие кедры» является Анастасия. В книгах Мегре она предстает в различных ипостасях. Начальные сведения о ней читатель узнаёт как от Мегре, так и из рассказа самой Анастасии. Анастасия неоднократно подчеркивает, что главным объектом ее забот являются российские дачники, которые на своих крошечных участках земли общаются с животными и растениями.

В отличие от других разновидностей НРД, «Движение Анастасии» никогда не скрывало своих политических амбиций. Впервые о создании последователями «Родовых поместий» собственной политической партии Владимир Мегре упоминает в части 2-й книги восьмой «Обряды любви. Новая цивилизация». Идея учреждения такой партии принадлежит дедушке Анастасии, хотя, признает Мегре, «предложение о создании партии, основанной на идеях Анастасии, поступало уже давно от разных людей»². Дедушка Анастасии посоветовал назвать партию «Родная партия».

27 октября 2012 г. в Москве по адресу Ленинградский проспект, д. 37, к. 5 (гостиница «Аэрополис») состоялся Учредительный съезд политической партии «Родная партия». На этой площадке последователи учения Владимира Мегре и ранее неоднократно проводили свои форумы, в том числе и обсуждение практической проблемы образования родо-

¹ По материалам сайта <http://www.religiopolis.org/>.

² Мегре В. Обряды любви. Новая цивилизация. Книга восьмая. Часть 2. С. 6.

вых поместий, юристы давали консультации о том, как преодолевать противодействия чиновников выделению земель под возведение таких поместий.

Родная партия заявила о намерении участвовать в сентябрьских выборах 2016 г. в местные и федеральные органы представительной власти. 15 июня 2015 г. на интернет-конференции была утверждена программа партии. Со своего твиттера Мегре обращается с призывом: «Все на выборы!» Он не соглашается с сомневающимися в возможности собрать 260 тыс. подписей для того, чтобы партия могла принять участие в выборах. Это возможно, убежден Мегре, если в этом деле будут принимать участие не только члены партии, но и все создатели родовых поместий. Также он уверен и в возможности победить на выборах. По его словам, «наша партия могла бы занять второе место после “Единой России”... У нас есть четкая и ясная идея создания родовых поместий по всей России. Эта идея проверена временем. Значит, это поистине национальная идея об улучшении ситуации в стране»¹.

Хотя некоторые объединения сумели получить статус централизованных религиозных организаций, обзавестись собственными богослужебными помещениями и офисами, устоять перед натиском своих влиятельных оппонентов, в целом феномен НРД был и остается маргинальным. Прежде всего, ни одно новое религиозное движение не сумело стать органичной частью преобладающих этнокультурных, национальных традиций народов России. Предпринятое некоторыми неорелигиозными образованиями обоснование укорененности или хотя бы совпадения их вероучений, культовой практики и социально-нравственных наставлений с прошлой и настоящей социокультурной средой Российского общества не привело к существенным переменам имиджа НРД. Обращение Церкви Объединения к обсуждению жгучих международных и российских проблем и событий вряд ли способно существенно повлиять на изменение маргинального статуса этого религиозного объединения. Такие обсуждения не выходят за рамки кулуарных мероприятий и при отсутствии эффективных каналов доступа к массовому сознанию становятся известными лишь весьма ограниченному кругу людей.

Деятельность и вероучения НРД стали постоянной темой отечественных печатных и электронных СМИ, о них опубликованы сотни статей и книг, по проблематике новых религиозных образований защищены свыше трех десятков диссертационных исследований. Дисциплина «Новые религиозные движения и культы» преподается в курсе по специальности «Религиоведение».

Отмечая высокий методический и научный уровень учебных пособий, следует отметить: в своих выводах рекомендации далеко не всегда опираются на эмпирические исследования, личный опыт общения с последователями НРД. Автор настоящего учебника продолжительное

¹ URL: <http://www.anastasia.ru/news/detail/27009/>.

время работал заместителем председателя Экспертного совета по проведению религиозно-экспертной экспертизы при Минюсте РФ, имея возможность проверить собственные теоретические построения изучением практических аспектов функционирования различных версий новых религиозных движений. Свыше 30 лет автор практикует включенное наблюдение, вступая в непосредственные контакты с лидерами и рядовыми последователями наиболее продвинутых действующих в современной России НРД.

Цель настоящего учебника состоит в изучении проблематики возникновения новых религиозных движений (НРД), их истории, вероучительных и социально-политических доктрин, особенностей взаимодействия НРД со светским обществом и другими религиозными группами, а также правовых аспектов существования НРД в современном государстве. Большое внимание уделяется исследованию отношения к НРД католицизма, Русской православной церкви, ислама. Рассматриваются возникновения и основные формы антикультового движения в зарубежных странах и в России. Дается оценка современного состояния крупных разновидностей НРД.

Изучение и успешное усвоение данной дисциплины будет способствовать повышению общей религиозно-экспертной культуры и позволит студентам:

знать

- причины появления и распространения в мире новых религиозных движений;

уметь

- характеризовать вероучительные и социальные особенности конкретного типа новых религиозных образований, его место в общественной жизни;

владеть

- целостным представлением о феномене нетрадиционных религиозных движений в зарубежных странах и в России.

Настоящий учебник является основой для дальнейшего объективного, свободного от тенденциозности изучения феномена новой религиозности в России и его роли в социальной и духовной жизни современного общества.

Введение

В этой книге речь пойдет о достаточно массовом религиозном движении, возникшем в странах Запада в 60—70 гг. XX столетия, а два десятилетия спустя в СССР и после его распада и в России. Это движение, более известное как «культы», «нетрадиционные религии», «альтернативные религии», «оппозиционные религии», «возникающие религии», «религии нового века», вызывает к себе неоднозначное отношение. Его радикальные противники используют для наименования новых религиозных образований термины «тоталитарные» («деструктивные культы или секты»). Обозначения последователей неорелигиозных групп могут варьироваться в разных местностях. Например, жители некоторых населенных пунктов юга Красноярского края называют проживающих здесь последователей Церкви Последнего Завета «паломниками» за их просторные и красочные одеяния. За пределами компактных мест расселения их именуют «виссарионовцами», а чаще всего — «сектантами».

Присутствие у возникших духовно-религиозных образований «буйного творчества» в содержании их вероучительных конструкций и ритуалистике затрудняет выделение отличительных, устойчивых признаков, присущих большинству таких образований. Отсюда и вполне понятный разноречивой в их типологизации, отнесение к либо уже известным классам религиозных объединений (например, «секта»), либо включение подобных объединений в дефиниции, специально разработанных для их обозначения. Поскольку существующие более трех столетий религиозные образования, в свое время названные сектами, развиваются достаточно динамично, не передают перемен, подчас весьма заметных как в их вероучительных построениях, так и социальной ориентации. Существенным изъяном многих конфессиональных и светских публикаций, а также телепередач о культах и сектах является сознательное или неосознанное игнорирование произошедшей эволюции в установках религиозных групп, переход их от агрессивной мироотвергающей формулы взаимоотношения с «наличным бытием» к формуле «мироисцеляющей», «мирореформирующей».

В общественном сознании до сих пор распространено превратное представление о роли и месте религиозных меньшинств в современном российском обществе; обычно этот феномен упоминается лишь в контексте церковно-государственных отношений, да и то в форме констатации появления на земле российской большого разнообразия

нетрадиционных верований. Нередко подобная констатация «оживляется» данными о религиозных объединениях, зарегистрированных органами юстиции. И эти данные образуют исходный фактологический массив, опираясь на которые не только СМИ, но и политики, социологи и религиоведы делают выводы о религиозных меньшинствах. К сожалению, выводы эти ограничиваются поверхностными комментариями, в них отсутствуют широкие нетривиальные обобщения. Высоко оценивая усилия Минюста по хотя бы юридически оформленной «инвентаризации» действующих в России объединений, тем не менее следует отметить, что эти данные не передают всей полноты и разнообразия картины религиозной жизни. Прежде всего потому, что далеко не все религиозные образования могут получить государственную регистрацию в качестве религиозных групп или религиозных организаций. Сколько и каких религиозных образований действует без регистрации — об этом сегодня не знает никто. Такое «незнание» объясняется разными причинами — нежеланием заниматься несущественной проблемой, попусту тратить силы на выяснение реальной численности принадлежащих к религиозным меньшинствам, либо просто неспособностью или неумением заниматься изучением реальной «религиозной среды». Особо следует сказать о российском научном сообществе, большинство членов которого еще 15—20 лет назад разделяли (искренне или по принуждению) взгляд на религию как на отживающий феномен, который должен будет исчезать по мере продвижения общества к коммунизму. Подобный идеологический постулат существенно влиял на оценки состояния религиозности в Советском Союзе. «Правильными» считались лишь сведения, подтверждающие основополагающий тезис о неуклонном сокращении численности верящих в Бога; данные о росте в том или ином регионе верующих и совершающих обряды замалчивались, либо оглашались на закрытых конференциях и трактовались как свидетельство ослабления внимания к борьбе с религиозными предрассудками.

В средствах массовой информации природа новых религиозных движений предельно упрощается и чаще всего сводится к одной из разновидностей криминальных образований. Лидеры и основатели таких движений используют религиозную терминологию для маскировки либо своих корыстных устремлений, либо властолюбия, а чаще всего — того и другого. Ведущей линией конфессионального восприятия новых религиозных движений выступает трактовка данного феномена как ереси, ошибочного понимания какого-либо вероучительного положения нетрадиционных религий, либо какой-то сконструированной религиозной доктрины. Гипертрофирование данных исходных установок порождает игнорирование социальных, психологических и иных «земных» причин, влияющих на возникновение и функционирование феномена новых религиозных движений в целом и конкретных типов его проявления. Независимо от стран и континентов, идеологической направленности, в СМИ новые религиозные движения характеризу-

ются преимущественно как криминальные образования. Их основатели и лидеры преследуют либо корыстные цели, либо удовлетворяют свое властолюбие, а чаще всего стремятся достичь того и другого. Материалы о новых религиозных движениях, адресованные широкой аудитории, концентрируют основное внимание на сенсациях — судебных процессах, связанных с теми или иными сторонами деятельности новых религиозных образований, биографиях лидеров новых религиозных движений. Подобные материалы формируют представление о природе новых религиозных движений массового сознания, и в то же время концептуальные схемы и терминология восприятия СМИ этого феномена широко и активно используются государственными организациями, в том числе и правоохранительными учреждениями.

Именно этим (правда, не единственным обстоятельством) объясняется постоянное воспроизведение суждений СМИ о новых религиозных движениях в многочисленных справках и аналитических записках высоких властных инстанций, выступлениях государственных служащих разного уровня.

Однако исключительно негативными коннотациями наделяются неорелигиозные объединения и в некоторых публикациях светских ученых; в них, как правило, воспроизводятся перенесенные на российскую почву методологические наработки зарубежной антикультовой идеологии. Они занимаются «духовным рэкетом», обирая до нитки доверчивых людей, взамен обещая им приобщение к истинной вере, переход в высшую расу, освобождение разума от помех, не позволяющих личности раскрыть имеющиеся у нее способности. Корыстные мотивы, обманные посулы и иной негатив действительно встречается в деятельности неорелигиозных объединений. В книге показывается: вовсе не они (или не только одни они) образуют их сущностные признаки; поэтому криминализация природы феномена новых религий в методологическом отношении представляется контрпродуктивной, поскольку она ориентирует религиоведов, социологов и историков религии заниматься проблематикой криминалистики, уголовным и гражданским правом, а не изучать этот феномен с использованием методологии и категориального аппарата своих дисциплин.

Значительное место в книге отводится анализу зарубежной и отечественной историографии проблемы. Она чрезвычайно обширна и представлена авторами, придерживающимися самых разных суждений о природе новых религиозных движений. По причине идеологической изоляции Советского Союза большинство публикаций зарубежных исследователей не были доступны отечественным исследователям. Но и в тех случаях, когда некоторые из них попадали в крупные библиотеки, их содержание истолковывалось преимущественно в русле парадигм господствующей идеологии. И даже после утраты ее доминирующего положения огромный массив публикаций наиболее авторитетных зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике, а также содержание бурных дискуссий о новых религиозных образованиях остается

не востребуемым. Господство общеобязательных идеологических схем постепенно эволюционировало в навязывание через средства массовой информации одномерного подхода к пониманию феномена новых религиозных движений, в то время как постижение природы и деятельности которого предполагает постоянный поиск, встречи с новым, неизвестным, непрерывные контакты с объектом изучения.

В отношении к вероучительным построениям практикам новых религиозных движений до сих пор имплицитно присутствуют элементы секулярно-атеистической методологии: как можно верить в такую бессмыслицу? Такой вопрос, предваряющий, а чаще всего и заменяющий конкретный анализ учения того или иного неорелигиозного образования, фактически звучит как окончательный приговор претензиям новых религиозных движений не только на истинность своих доктрин, но и на принадлежность их к религии. В лучшем случае, их квалифицируют как псевдо (квази) религии, но чаще всего, как уже отмечалось, вероучительные построения возникших религиозных групп являлись маскировкой подлинных (по преимуществу мошеннических) целей их основателей и лидеров. Подобные оценки экстраполируются и на рядовых верующих. Им, по существу, отказывают в праве верить в существование трансцендентного начала, образующего основу учений новых религиозных объединений. При этом такие выводы делаются без изучения внутреннего мира последователей неорелигиозных образований.

Отнюдь не считая труды зарубежных исследователей первичным и непререкаемым источником для общей интерпретации неорелигиозных образований, в то же время следует отметить своевременное и интенсивное изучение авторитетными учеными Запада таких образований фактически с момента их появления в США, а затем и в других государствах. В фиксации, описании и изучении процессов зарождения новых религиозных образований исследователи религии стран Запада, особенно социологи религии, находились в существенно иных условиях, нежели их советские и российские исследователи. Можно, конечно, глумиться над громадным количеством публикаций десятков зарубежных ученых о самых различных аспектах НРД, считая себя и пару-тройку единомышленников представителями «истинного знания» о тоталитарных сектах. Именно так, походя, порой «разделяются» с авторами обстоятельных монографий о новых религиозных движениях отдельные отечественные «сектоборцы», предпочитая навешивание оскорбительных ярлыков аргументированному анализу иной точки зрения. Однако одно лишь сравнение представителей этих противоположных подходов к пониманию природы НРД только по такому критерию, как научный статус в авторитетных университетах и исследовательских центрах, оказывается далеко не в пользу избравших излюбленной формой ведения полемики нещадное поношение своих оппонентов. Существенную научную ценность представляют исследования, авторы которых обосновывают свои выводы опросами членов

самых различных типов религиозных новообразований, наблюдениями за процессами формирования и эволюции таких образований. Результаты этих исследований дают возможность проследить сходство и различие в возникновении и функционировании новых религиозных движений в зарубежных государствах и в России. Особое место занимают публикации А. Баркер, Д. Бекфорда, Д. Бромли, У. Бэйнбриджа, Р. Вудноу, Ч. Глока, Л. Досона, Г. Мелтона, Р. Робертсона, Р. Старка, У. Шьюпа, Б. Уилсона и др. Их эвристическая ценность заключается в поиске методологии, способствующей адекватному пониманию сущности феномена духовно-религиозной жизни второй половины XX столетия. Кроме того, многие из них проявляли интерес к исследованию одной из сложнейших проблем религиоведения и социологии религии — типологизации религиозных образований. В развернувшейся дискуссии обсуждались самые различные способы классификации новых религиозных групп, начиная от утвердившегося — определения их природы путем сравнения с традиционными верованиями — до выдвигания дефиниций, трактующих неорелигиозные образования как своего рода «духовный вывих», «сбой» в традиционном развитии религии.

Приведенный перечень исследователей социологической и методологической проблематики НРД может быть расширен авторами, которые типологизации религий и места в ней новых религиозных образований посвятили оригинальные монографии. Результаты таких изысканий представлены в трудах Д. Баррета, Д. Нельсона, И. Хексэм и К. Поув, Т. Миллера. В то же время в зарубежных изданиях не мало публикаций, особенно предназначенных для массового читателя, носят компилятивный характер, а чаще всего преследуют цель произвести сенсацию, поразить читателя криминальными историями.

Проблемы новых религиозных движений и феномена новой религиозности как такового начали активно обсуждаться в отечественном религиоведении в 80-х годах прошлого века, и к настоящему времени выработаны общие принципы изучения данного явления, разработаны принципы классификации НРД, а также накоплен и изучен обширный эмпирический материал; при этом особый интерес представляют исследования, посвященные отечественным НРД, бурное возникновение и развитие которых пришлось на 90-е годы XX века. Труды Е. Г. Балагушкин, Л. И. Григорьевой, П. С. Гуревича, И. Иваненко, В. В. Кравчук, Е. М. Мирошниковой, Л. Н. Митрохина, М. П. Мчедлова, Т. В. Томаевой, Б. З. Фаликова и др. заложили основу для дальнейшего объективного, свободного от тенденциозности изучения феномена новой религиозности в России и его роли в современной религиозной жизни общества.

История отечественных публикаций и исследований, посвященных новым религиозным движениям, довольно своеобразна. С одной стороны, публикаций, в той или иной степени касающихся возникновения, особенностей вероучения, обрядов этих движений, насчитывается довольно много (особенно после 1993 г.). Вместе с тем квалифицированных и объективных религиоведческих и социологических

исследований новых религиозных движения крайне мало в сравнении с валом публикаций на «сектантскую тему» в СМИ и в некоторых профессиональных изданиях. Как справедливо отмечает А. А. Панченко, «и в дореволюционной России, и в советскую эпоху «сектантская тема» активно эксплуатировалась политиками, богословами, историками и литераторами для конструирования и воспроизведения актуальных мифологем социального, культурного и религиозного характера». (Панченко А. А. «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект». М., 2002. С. 14). Хотя эта оценка формулируется А. А. Панченко в контексте его исследовательского интереса к христовщине и скопчеству — сегодня почти исчезнувших религиозных движений, — однако она вполне применима и к распространенным интерпретациям религиозного сектантства в наши дни. Этим, по-видимому, и объясняется ограничение им своей очень емкой и честной характеристики злоупотребления «сектантской тематикой» самых разных сил в досоветский период. Между тем, все без исключения способы и приемы эксплуатации данной проблематики, приводимые в книге А. А. Панченко, включая набор традиционных обвинений, не канули в прошлое, не пылятся в архивах. Все они, без малейших поправок на время, широко и активно применяются и в современный период российской истории.

Продолжая эту традицию, не только падкие на сенсации журналисты, но «серьезные» авторы воспроизводят методологию и строй суждений, возникших в другие исторические эпохи и во многом обусловленных многочисленными запретами и препятствиями политического характера. Несмотря на провозглашение действующей Конституцией РФ гарантий свободы совести, даже в учебных пособиях по религиоведению нередко можно встретить все тот же набор обвинений, составленных во времена, когда свобода совести считалась крамоллой или только декларировалась. На большинстве происходивших на протяжении последнего десятилетия публичных обсуждениях проблемы НРД лишь в самой минимальной степени были представлены точки зрения российских ученых, продолжительное время исследующих как природу данного феномена в целом, так и его отдельные проявления. При этом речь прежде всего идет о СМИ (в первую очередь телевидение), формирующие отношение россиян к духовным и материальным процессам. Даже в условиях ужасной неразберихи, царящей в современной российской высшей школе и научно-исследовательских учреждениях, унижительной оплате труда ученые России опубликовали около десятка серьезных монографий, раскрывающих природу столь сложного и противоречивого явления, как новые религиозные движения и выявляющих причины их распространения среди различных слоев российского населения. Кроме того, за последние 5—7 лет объектами диссертационных исследований стали конкретные типы религиозных новообразований — Церковь объединения (две кандидатские диссертации), вера Бахаи (две канд. диссертации), Церковь Божией Матери

Державная, теософия, саентологи, неоязычники, сатанинские группы. Таким образом, научному сообществу есть что сказать, однако его голос не доходит до российского населения. И не только до него. Внимательный анализ выступлений представителей самых различных государственных учреждений дает основание сделать вывод о том, что чаще всего их суждения о НРД основываются на массмедийных и радикальных антикультовых трактовках религиозных новообразований и лишь в весьма незначительной степени учитывают точку зрения научного сообщества. Почти незаметно влияние науки и на содержание текстов многочисленных аналитических записок, инструкций и рекомендаций, достаточно регулярно направляемых высокими государственными инстанциями самым различным адресатам.

Возникшие в последние три десятилетия на Западе и на территории России религиозные объединения в книге рассматриваются в динамике, прослеживается эволюция их вероучений и социальных ориентаций. Образование и последующие модификации организационно новых форм и религий соотносятся с изменениями в вероучительном комплексе, а также в системе ценностей и представлений, связанных с религиозным учением. На эти изменения, как правило, влияют и социально-политические или экономические факторы, которые также в некоторой (иногда значительной) степени обуславливают перемены в комплексе религиозных воззрений, а также в свою очередь обуславливаются ими. С течением времени идеи и представления, лежащие в основе религиозных учений, подвергаются дальнейшей, порой значительной, диверсификации. Отчасти она представляет собой результат расширяющихся межкультурных и межрелигиозных контактов, с другой же стороны, бывает вызвана все увеличивающимся количеством и разнообразием интерпретаций традиционных религиозных идей и представлений.

Поскольку процессы обновления неизбежно влекут за собой сдвиги в представлениях, которыми руководствуются в своей жизни разделяющие эти представления люди, в ценностях, которыми управляется их поведение, и, как следствие, в самих поведенческих установках, изучение таких процессов представляется чрезвычайно актуальной и важной задачей для современного религиоведения. Исследование реальных причин обращения НРД и следования предписанным мировоззренческим и поведенческим установкам может дать ключ к пониманию подспудных процессов, которые наблюдаются в различных типах религиозных новообразований, в том числе на конкретном этапе их исторического развития.

Внушительная доля имеющейся литературы по проблематике НРД посвящена краткому или подробному изложению вероучения и культурной практики тех или видов религиозных новообразований. В силу малой разработанности общих методологических вопросов изучения природы НРД, причин возникновения и способов функционирования различных разновидностей данной формы религиозного опыта автор

счел необходимым сосредоточить свое внимание главным образом на исследовании теоретических аспектов проблемы. Помимо уже перечисленных вопросов, в книге анализируются функции новых религиозных движений в современной России, последствия их деятельности, рассматриваются перспективы как феномена НРД в целом, так и его наиболее «продвинутых» версий.

Исследование феномена новых религиозных движений не будет полным без изучения его места в духовной жизни общества, выявлении отношения к нему ведущих конфессий. О реакции, тем более в концептуальной форме, зарубежных традиционных религий на появление и деятельность неорелигиозным образованиям в отечественной литературе упоминается лишь вскользь. Нередко он сводится к констатации сходства способов противостояния культурам зарубежных и отечественных традиционных верований. Поэтому одна из задач настоящей работы состоит в рассмотрении отношении крупных конфессий (православия, католицизма, ислама) к НРД, а также становления, идеологии и деятельности того, что в зарубежных странах известно, как «антикультовое движение». Соответственно, анализируется функционирование антикультового движения в современной России (в самых разнообразных его проявлениях), хотя сам этот термин и не утвердился в лексике миссионерских действий, направленных против неорелигиозных образований.

Глава 1

ТЕРМИНОЛОГИЯ

1.1. Как же их называть?

В современной литературе используются самые различные обозначения религиозных объединений, получивших широкое распространение в 60—70-е годы XX столетия в странах Запада, а затем в СССР и посткоммунистической России. Их называют «альтернативными», «оппозиционными», «нетрадиционными», «внеконфессиональными», «возникающими», «культами». Нередко к ним применяют термин «секта», считая несущественными различия между традиционными признаками сектантских организаций и особенностями современных неорелигиозных образований. Тем не менее, до сих пор продолжают споры вокруг определений рассматриваемой категории религиозных объединений, участники которых отстаивать преимущество своего наименования. В книге показывается, что терминологические дискуссии ведутся не только для устранения ненужной путаницы. Наряду с поиском понятийного ряда, адекватно передающего природу наблюдаемого объекта, вводятся в оборот и получают распространение термины, отражающие точку зрения определенных конфессий или социально-политических партий и движений. Возникая в специфических обстоятельствах, обретая через СМИ устойчивое восприятие массовой аудитории, такие наименования переносятся в другие страны и континенты с непохожими национально-религиозными традициями, статусом религиозных меньшинств.

В книге применяется термин «новые религиозные движения», хотя, как будет показано, он не лишен ряда недостатков. По мнению автора, при всех недостатках данный термин более точно передает отличительные признаки обозначаемого типа религиозных образований. Кроме того, термин «новые религиозные движения» наиболее созвучен с таким принципом научного исследования, как объективность. Он ориентирует исследователя воздерживаться от крайних субъективных оценок и суждений, не применять к религиозным взглядам последователей этого типа движений уничижительных характеристик. Отсюда вовсе не следует заключение, что «все и всегда в новых религиозных движениях хорошо» и что писать и говорить о них надлежит только

в позитивных тонах. По нашему убеждению (основанному на двадцатилетием изучении отечественных и зарубежных разновидностей НРД) ошибочным является и противоположное суждение: «“культы”, “секты”, “оппозиционные религии” — это всегда плохо». В действительности же, «новые религиозные движения» являются сложным и противоречивым феноменом, порождаемым совокупностью различных факторов. В нем, как и в традиционных верованиях, происходило и происходит немало драматических и трагических событий. В то же время подавляющее большинство последователей таких движений глубоко ошибочно и негуманно причислять к изгоям общества, призывать к ограничению их прав только за их «неправильные» религиозные взгляды.

Говоря о новых религиозных движениях, мы имеем в виду религиозные течения, возникшие, как правило, в 60—70-х гг. XX века. Некоторые из них существуют не одно столетие, однако в России одни возникли на волне перестроечных процессов. Другие, зародившись 15—20 лет тому назад, заявляют о своей тысячелетней укорененности в мировой культуре, в том числе российской.

Быстрый рост религиозных новообразований вызвал интенсивные поиски их классификации. Результатом такого рода «поисков» стало появление на свет множества обозначений религиозных новообразований. При этом значительная часть используемых обозначений претендует на роль единственно точного способа классификации сотен и тысяч невероятного разнообразия религиозных групп, различающихся как вероисповеданием, обрядами, структурами, так и численностью последователей и влиянием на общество. Возникли и получили широкое распространение типологизации никогда ранее существовавших и сравнительно недавно появившихся на российской земле религиозных объединений. Наряду с существующими более столетия такими терминами, как «секта», в этой типологизации используются определения, ранее не встречавшиеся ни в лексиконе православного сектоведения, ни в отечественном светском религиоведении. Речь идет о таких понятиях, как «новые религиозные движения», «нетрадиционные или альтернативные религии», «внеконфессиональные или неденоминированные религии», «псевдорелигии», «возникающие религии». Но еще более широкое хождение получили определения религиозных новообразований — «тоталитарные секты» и «дескрутивные культы». В качестве ключевых оснований этих определений выступает набор негативных признаков, которыми наделяются большинство неорелигиозных движений и групп. Несмотря на сравнительное недавнее появление, словосочетания «тоталитарные секты» и «деструктивные культы» довольно прочно обосновались в лексиконе средств массовой информации (независимо от их идеологической направленности), в оценках новых религиозных объединений другими религиями. Термины «тоталитарные секты», «деструктивные культы» и «псевдорелигии» можно часто встретить в выступлениях лидеров политических партий и движений, руководителей правоохранительных учреждений. Подобная

же терминология нашла свое место в документах некоторых местных законодательных и исполнительных органов власти, регулирующих деятельность религиозных организаций. Государственными органами и должностными лицами широко используются такие понятия, как «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «секты», «псевдорелигии» и т. п., отсутствующие в действующем Федеральном «Законе о свободе совести и о религиозных объединениях» и расценивающиеся последователями новых религиозных образований как оскорбление их религиозных взглядов. Применение же таких терминов и религиозным объединениям, имеющих юридический статус и зарегистрированных органами юстиции свидетельствует об отсутствии у авторов такого рода материалов элементарных религиозоведческих знаний, а также азбучных сведений о нормативных актах, регулирующих деятельность религиозных объединений. Таким образом, классификация религиозных образований представляет не только академический интерес для специалистов в области социологии религии или сравнительного религиоведения, теологов различных конфессий. Отнесение конкретной религиозной группы к тому или иному типу религии зачастую определяет отношение к ней властей, общественного мнения, средств массовой информации. Причисление же конкретного религиозного образования к категории, уже в самом наименовании, содержащем негативные оттенки, в лучшем случае порождает к такой группе настороженное отношение, а чаще всего дискриминации и преследования последователей верующих. Имеются многочисленные свидетельства неприкрытых гонений на религиозные меньшинства под влиянием публикаций и особенно телепередач о происках сект. По традиции, местные власти воспринимают такие зубодробительные материалы как «мнение верхов», а не творчество падких до сенсаций журналистов. Стараясь шагать в ногу, не в меру ретивые начальники затевают проведение ничем не мотивированные проверки зарегистрированных религиозных объединений, отказывают под надуманными предлогами в их регистрации, препятствуют аренде помещений для проведения богослужений и т. д.

Между тем изучение религиозоведческих и теологических публикаций практики церковно-государственных отношений показывает довольно произвольное обращение с такими терминами, как «секта», «культ» и т. д. Руководители крупных религиозных объединений, представители самых различных ветвей обычно используют термины как общезначимые, не нуждающиеся в пояснениях; и лишь из контекста их упоминания можно догадаться о позитивном, негативном или нейтральном значении этого термина.

Появление новых религиозных образований, синкретических по своим вероучительным комплексам и не вписывающихся в рамки широко распространенной типологизации религий, стала одной из причин поиска более адекватных и продуктивных способов классификации религий. В начале 70-х гг. XX столетия среди социологов

религии происходит оживленная дискуссия, затрагивающая самый широкий спектр «методологического хозяйства» социологии религии. Критический взор участников этой дискуссии был обращен и на недостатки разделявшейся многими социологами типологизации религиозных образований.

В обширной по объему и охвату актуальных и дискуссионных проблем монографии «Магическое и второе пришествие» английский социолог религии Брайен Уилсон показывает причины неспособности при помощи распространенной модели классификации религии понять природу феномена новых религий. Он полагает, что долгое время социология религии находилась в плену собственных концепций. Частично столь продолжительное пленение объясняется сложностями нахождения концептуального и терминологического аппарата, способного адекватно передать невероятное многообразие религиозных феноменов; частично подобное состояние возникло из-за того, что социология религии черпала свои понятия из христианской традиции и теологии. Поэтому в самых широких исторических измерениях христианство и социология в целом представляют собой родственные феномены в культурном наследии западного мира. И каковы бы ни были различия между ними — западный взгляд на человеческую индивидуальность, свобода воли, способы взаимодействия людей, понятие рациональности и реализация этих измерений в функционировании религиозных организаций в своей совокупности также является проявлением наследия христианства и социологии¹. Немалые трудности возникают в приложении этого концептуального наследия к религиозным образованиям, возникшим в иных культурных традициях и подчас имеющих вероучение, не уместяющееся в традиционную дихотомию «церковь — секта». Стало явственно ощущаться отсутствие согласованной терминологии, способной плодотворно работать на «новом поле», отличающемся религиозным разноцветием. Для многих становилось все более очевидным, что религиозное сектанство — это многомерный феномен, которому свойственны характеристики и признаки, ускользающие от придерживающегося традиционного для Запада понимания сект.

Как считает Б. Уилсон, Эрнст Трельч, активно занимавшийся проблемой типологизации религий, строил предлагаемую им модель деления религиозных образований, беря за отправную точку классификации христианство. Появление первых сект внутри раннего христианства вызвано возникшими теологическими проблемами. Так возникает «дихотомическая пара»: консервативная церковь и перфекционистская секта. И хотя эта модель классификации выполняет экспликативную функцию, постоянное обращение к ней как к единственно верной, порой затемняет реалии, которые «конструкция идеальных типов» призвана прояснять². («Абстрактные типологизации, вместо того чтобы стимулировать эмпирическое исследование и аналитическую строгость, иногда заменяли их».) Следовательно, если рассматривать секты, по сути своей являющиеся протестными движениями, то их протест

в современном мире обычно не направлен против церкви. Он может быть нацелен против государства, секулярных общественных институтов или этот протест может проявляться в виде оппозиции к отдельным институтам внутри общества. Существенное изменение обстоятельств привело к тому, что даже в христианском контексте становится очевидным — секты не являются непременно протестующими против церковных организаций.

Брайан Уилсон видит трудности нахождения дефиниции, способной адекватно передать сущностные признаки неорелигиозных образований, в возрастающем релятивизме современного общества и вытекающим отсюда разрушением связующих социальных ценностей, в том числе и названных в свое время «сектами» и «культами». Теперь же, в условиях плюралистического общества, оба эти термина, имеющие уничижительную коннотацию, больше не являются разумными и уважаемыми. Кроме того, мы имеем дело с получившими широкое распространение религиозными группами, которые действительно не охватываются содержанием понятия «секта». Ведь сектами принято понимать группы, отделившиеся от основной традиции; чаще всего это отделение совпадало с процессом зарождения таких групп.

Для понимания природы новых религиозных движений, продолжает Б. Уилсон, следует учитывать и такое обстоятельство: с середины 60-х гг. XX столетия мы видим появление новых религий в гораздо большем количестве, чем в любой предыдущий отрезок времени. Мы изучаем новые религиозные группы, действующие в отдаленных регионах, но в то же время мы понимаем, что сведения о них могут стать первым шагом в их распространении в нашей местности. К примеру, многие слышали о Саентологии, мунитах, кришнаитах задолго до того, как эти группы распространились в их ареалах. И в этом состоит качественное отличие новых религиозных групп от положения большинства сект прошлых лет. Если пятьдесят или более лет тому назад секты были известны, поскольку они были обзорны в масштабах определенной местности, и каждый, по крайней мере, знал, кто к ним принадлежал. Сегодня же, через бесчисленные рассказы о новых религиозных группах средствами массовой информации, люди узнают о них, до этого не имея о таких группах никакого представления.

Православная богословская мысль не проявляла особого интереса к проблеме классификации объединений, возникающих еще в советский период на «отечественной» почве или инициированных усилиями зарубежных миссионеров. Бурные дискуссии в зарубежном религиозоведении и социологии религии, порожденные появлением необычных по своим вероучительным комплексам и затрагивающие более общие проблемы (определение религии, отнесение тех или иных религиозных групп и объединений к определенному типу религиозных организаций) фактически не получили отражение в публикациях и выступлениях авторитетных представителей Русского Православия.

Но уже в начале 90-х годов, когда в руководстве РПЦ начинает укрепляться представление о распространяющихся новых религиозных объединениях как о феномене, захватывающем каноническую территорию Православия, наблюдается избирательное отношение к опыту противостояния таким объединениям зарубежными конфессиями. В лексиконе православных критиков неорелигий появляются термин «культ» с непривычным для православного богословия и миссиологии смысловым значением. В то же время на официальном уровне, в документах высоких инстанций основной акцент делается на сохранении традиционной методологии богословского восприятия учений, восстающих против Христовой веры. Об этом свидетельствует терминология текста Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» (1994).

Не только богословы и теологи, но и большинство светских исследователей религии принимали положение о привилегированном положении христианства, его ведущих направлений — католицизма, православия. В компаративных исследованиях религии возобладало такое наименование религиозных меньшинств, как «секта», наполняемое уничижительными отличительными признаками как в обличительных документах католицизма и православия, так и публикациях историков и социологов религии.

Но уже в середине XIX в. родоначальниками научного исследования религии открыто ставится под сомнение плодотворность доминирующего принципа сравнительного изучения огромного многообразия организационных форм выражения религиозного опыта. Его основным изъяном называется изначальная предвзятость в оценках религиозных образований, вероучение и обрядовая практика которых не соответствовали утвердившимся стандартам традиционных религий.

Корнелиус Тиле (1830—1902) — один из основателей науки о религии (научного религиоведения) — четко разграничивал возникающую отрасль научного знания от теологии и религиозной апологетики. Наука о религии, пояснял он, — это философская обработка собранного, упорядоченного и классифицированного знания. Она не призвана предлагать вероучение и не уполномочена на то; это — дело теологов и знатоков догматики... Она должна попытаться постичь и объяснить религиозное начало в человеке, и таким образом, определить сущность религии и исследовать ее причины»³.

Существенное значение Тиле придавал морфологическому исследованию, под которым понималось выявление и изучение постоянно происходящей смены одной религиозной формы другой. «Религиозное развитие, особенно развитие религиозного сознания и религиозного чувства, — это внутренний процесс. Оно есть работа человеческого духа, стремящегося найти подходящее и совершенное выражение для все более проясняющейся религиозной идеи»⁴.

В исследованиях религиозных меньшинств советского периода коммунистическая идеологическая парадигма причудливо сочеталась

с дореволюционной православно-государственной классификацией религиозных объединений. Общая оценка разновидностей религии как «пережитка прошлого», «помехи на пути построения нового общества» в теоретическом и практическом ее воплощении активно перенимала обличительный стиль противосектантских публикаций дореволюционного периода. Так, известный исследователь сектантства А. И. Клибанов отмечал, что в «церковных кругах семантике слова «секта» был придан отрицательный знак. Под сектами понимались отбросы церковной истории, а сектанты третировались как изгои, религиозные парии»⁵. В то же время он считал правомерным пользоваться терминами «религиозная секта» и «религиозное сектантство», поскольку понятие «секта» есть элемент научного знания, и как таковой он не безразличен предмету познания. «Для религиозных сект прошлого и настоящего характерна страстная полемичность, самоутверждение путем отрицания всего, находящегося вне принятого круга мысли и деятельности. В этом существенное обоснование терминологичности слова «секта» для данного класса явлений религиозной действительности»⁶.

В публикациях советского периода выдвигались трактовки природы религиозного сектантства, отражающие особенность положения религии в социалистическом обществе. Имея в виду отсутствие в этом обществе господствующей церкви, некоторые исследователи считали возможным «отказаться от употребления понятий «секта», «сектантство» применительно к религиозным обществам, в прошлом именовавшимся сектами». Согласно второй точке зрения, при определении понятия «сектантство» следует исходить не из противопоставления сектанства господствующей церкви, а из внутренней специфики сектантства как религиозно-общественного явления. Связь «секта» — «господствующая церковь» не абсолютная, а относительная, характерная для определенных исторических условий. Отсюда делается вывод о правомерности понятий «сектантство», «секта» в условиях социалистического общества, «поскольку оно утратило свой прежний негативный смысл, однако может быть сохранено для характеристики конкретного типа религиозных организаций, для обозначения определенных религиозных явлений в условиях социалистической действительности»⁷.

Примечательной особенностью цитируемой публикации является обращение его автора к работам М. Вебера, Э. Трельча, Р. Нибура, Б. Уилсона. Подробное изложение понимания ими природы и эволюции религиозного сектантства завершается выводом о наличии немалых ценных наблюдений и суждений в современной буржуазной социологии религии относительно определения понятия «секта», ее места в типологизации религиозных объединений⁸.

В некоторых публикациях весьма серьезных исследователей религии встречаются пессимистически оценки эффективности научных трактовок понятий сект, прежде всего, имея в виду незначительное

влияние таких трактовок на отношение общественного мнения новым религиозным движениям. В их адрес порой раздаются весьма горькие, но, по нашему мнению, несправедливые упреки. «Социологи религии, как и другие ученые, преимущественно пишут друг для друга и для своих студентов, для весьма ограниченной аудитории, чем для широкой публики. Обычно они стремятся быть методологическими агностиками, не вынося суждения об истинности вероучения движений или эффективности их практики, и вообще старательно избегая в используемом языке любых эмоциональных оттенков»⁹.

В СССР первые публикации о распространившихся в западных странах религиозных новообразованиях появляются в начале 80-х годов прошлого столетия. Такие образования назывались по-разному: «внеконфессиональные религии», «религии Нового века», «нетрадиционные религии», «альтернативные религии», «новые религиозные движения и культы». Такой разброс наименований во многом объяснялся отсутствием таких объединений в Советском Союзе¹⁰. Заимствуя названные наименования из зарубежных изданий, отечественные авторы считали проблему классификации возникших организаций несущественной, обращая основное внимание на описание деятельности наиболее активно действующих объединений. Их природа и функции осмысливались в рамках господствовавшей идеологической установки, в соответствии с которой массовое появление в капиталистических странах религиозно-мистических групп трактовалось проявлением кризиса буржуазного общества. Новая религиозность характеризовалась как «специфическая форма религии, для которой актуализация пропагандируемых ею псевдоальтернативных социальных утопий, выраженных с помощью радикально обновленных религиозных представлений, в целях интенсификации ее социальных функций»¹¹.

В то же время в публикациях исследователей рассматриваемого феномена прослеживалась связь бурной экспансии религиозно-мистических групп с заметным ослаблением «традиционной» для буржуазного общества религиозности, падением авторитета «традиционных церквей и сект»¹².

Вплоть до начала перестройки, предпринятой в 1985 г. М. С. Горбачевым, проблема возможного появления в Советском Союзе религиозных новообразований широко не обсуждалась. В то же время партийные публицисты заявляли об отсутствии в Советском Союзе «социальной почвы для развития всевозможных сект, течений, суеверий». Однако в публикациях «перестроечного периода» такое утверждение оспаривается, и раздаются призывы для объяснения реальных корней бытующих и вновь получивших распространение религиозных убеждений «резво видеть объективные противоречия социалистического общежития и различных форм их отражения в сознании»¹³.

1.2. Нетрадиционные религии

Нередко для обозначения возникающих в 80—90-е годы XX столетия религиозных образований в отечественной литературе применяется термин «нетрадиционные религии» (верования). К ним обычно причисляют и религиозные объединения, возникшие в XIX веке, однако получившие широкое распространение в постсоветской России. Термин «нетрадиционные религии» может наполняться различным содержанием. В одних случаях он обозначает констатацию неукорененности верования и обрядов неорелигий в культурных традициях и быте народов России. Однако гораздо чаще этот термин наполняется обличительными смысловыми коннотациями, призванными показать социокультурную неполноценность и ущербность нетрадиционных религий. Нередко целью выступления против них является стремление усилить доминирование одной из конфессий¹⁴.

Реализация такой цели осуществляется и попытками законодательного оформления деления религиозных объединений на традиционные и нетрадиционные. Некоторые депутаты Государственной Думы РФ предлагают в качестве критерия такого деления ввести срок существования религиозного объединения и численность его последователей.

Применение терминов «традиционные и нетрадиционные религии» вызвали дискуссии среди религиоведов, представителей различных конфессий, политиков. На страницах периодической печати высказывались различные суждения о том, «что означает традиционная и нетрадиционная религия, каковы их социальные и духовно-культурные функции, их место в жизни общества, его истории»¹⁵. В ходе дискуссий сторонники научного религиоведения обращали внимание на необходимость рассмотрения этой темы в контексте конституционной гарантии свободы совести, права каждого гражданина свободно выбирать любую религию, менять или не исповедовать никакой и равенство религиозных объединений перед законом.

Отмечались значительные сложности при определении традиционных религий. «Так если считать основным критерием время, давность существования данной религии на определенной территории, то для России, например, самой древней системой верований являются дохристианские языческие верования»¹⁶.

В связи с возможными нежелательными последствиями, в том числе и претензий на особый статус той или иной конфессии понятия «традиционные и нетрадиционные религии» не используются в качестве юридического термина, не представлены в правовых документах. Тем не менее, при всех издержках и сложностях данных терминов, вряд ли справедливо их полное «изъятие из обращения» в теоретическом религиоведении и истории религии. Следует согласиться с выводом отечественного религиоведа М. П. Мchedловым о существовании «объ-

активных факторов, позволяющие обществоведы использовать понятие традиционная религия в целях описания, дескрипции, не придавая при этом ему политико-правового измерения и не видя в этом основания для дискриминации других вероисповеданий»¹⁷. Точно так же правомерно и применение термина «нетрадиционные религии», если, разумеется, он не используется для оправдания других религиозных объединений, в том числе и возникших сравнительно недавно и насчитывающих не так много последователей.

1.3. Альтернативные религии

Для наименования возникших в последнее время религиозных объединений иногда применяется и термин «альтернативные религиозные движения» (сокращенный вариант — «альтернативные религии»). Этот термин, обозначая «этически нейтральное отношение» к религиозным меньшинствам, не наделяя их оскорбительными характеристиками, в то же время избавляет от слова «новый», порождающий немало проблем.

В 1997 г. нью-йоркским университетом была издана коллективная монография «Американские альтернативные религии», в которой рассматривается история возникновения, вероучение и современное состояние религиозных объединений, относимых авторами к категории «альтернативных». Монография начинается с небольшого по объему методологического введения, в котором издатель книги — Тимоти Миллер — раскрывает содержание термина «альтернативные религии» и объясняет причины обращения его к этому термину. Основная из них — замещение наименования «культ», обремененного, как уже отмечалось, множеством смысловых оттенков, мешающих непредвзятому пониманию природы «культовых объединений» и порождающему замаскированные формы дискриминации их последователей.

На исходе двадцатого столетия в «американской религии», как считает Т. Миллер, происходит гигантская диверсификация и децентрализация религиозного пространства. «Некоторые самые большие деноминации теряют своих членов; религиозный мир иной, нежели христианство и иудаизм, в ряде случаев он существенно разнообразился; новые и ранее малоизвестные группы образовали свои собственные фронты и центры в СМИ. Даже в крупных традиционных деноминациях силы диверсификации весомо заявили о себе; например, весьма укрепившееся в католической церкви харизматическое движение и в большинстве крупных протестантских церквях». Эти и многие другие процессы нашли отражение в обширной литературе, в которой под альтернативными религиями обычно подразумеваются культы; и они, по убеждению большинства авторов, должны быть искоренены. При чем зачастую во имя другой религии, носительницы «Единственно Истинной Веры».

Издание «Американские альтернативные религии» предлагает взвешенное представление об альтернативных религиях, противоположное методологии антикультового движения. Кроме того, цель издания образует и стремление раскрыть историческое развитие альтернативных групп, признавая при этом, что «не существует статичных объединений людей, а все изменяется и становится зрелым»¹⁸.

В методологическом отношении последняя формулировка представляется чрезвычайно существенной: ведь упорное игнорирование наличия у возникающих религиозных объединений различных фаз, этапов и состояний было и остается характерной чертой значительной части зарубежных и отечественных публикаций по проблематике сект и культов. С момента появления последним навечно присваиваются весьма нелестные сущностные характеристики, и никакие вероучительные и обрядовые трансформации, изменения социальной ориентации не принимаются во внимание; в лучшем случае они изображаются очередным маневром, призванным сбить с толку доверчивых людей, убеждая их в отсутствии у конкретного типа культа злонамеренных целей.

Т. Миллер, равно как и большинство авторов статей в книге «Американские альтернативные религии», признает широкое распространение в академических кругах терминов «культ» и «секта», хотя, по его мнению, термин «секта» используется гораздо чаще. Тем не менее, «несмотря на тот факт, что оба термина исследователями религии и общества считаются пригодными дефинициями, данная книга по большей части избегает их, ... по причине того, что в значительной степени они стали уничижительными. «Сегодня культурами» обычно обозначают некую группу, которую произносящий это слово не любит, рассматривает потенциально вредной и решительно не одобряет. «Секта» — менее резкий, но все же еще уничижительный термин»¹⁹.

В анализируемой книге дается оценка и другим терминам, применяемым гуманитариями в наименовании религиозных групп, заявивших о себе в 60—70 годы XX столетия. Так, все с тем же намерением избежать использование оскорбительных дефиниций некоторые исследователи именуют появившиеся религиозные объединения «маргинальными»; однако хотя это наименование и выглядит менее уничижительнее, чем «культ» и «секта», оно, тем не менее, оказывается включенным в традицию принижения значения и ценности объединений, считающихся маргинальными. Те же самые недостатки усматриваются и в термине «не принадлежащие к главным религиозным течениям» (nonmainstream), помимо них он еще и слишком громоздкий.

Что же касается термина «новые религиозные движения», то его, по мнению Т. Миллера, принимают как ученые, так и приверженцы групп, не принадлежащих к основным течениям. В то же время этот термин стал и источником неразберихи, возникающей в процессе его применения: распространять ли этот термин на действительно «новые» верования (по крайней мере, в Соединенных Штатах) или на все верования, не принадлежащие к основным? «Преобладающей тенденцией

стало применение этого термина к широкому спектру религии, старых и новых, однако неясности остаются»²⁰.

Однако такое изъяснение не делает термин «альтернативные религии» способным точно передать существенные признаки большого разнообразия религиозных объединений. «Альтернативность» прежде всего и главным образом означает противоположность религиозных образований, относящихся к классу «альтернативных», преобладающей, господствующей религии или конфессии в конкретном государстве. При этом противоположность включает в себя различия не только по времени существования, вероучительно-обрядовой составляющей, но и укорененности в национальных и бытовых традициях. Наконец, альтернативность может рассматриваться и в социальном контексте — отношения к альтернативному религиозному объединению существующей власти, и, что не менее важно — наоборот. Перечисленные и некоторые иные возможные смысловые оттенки термина «альтернативные религии» порождают немало теоретических и практических проблем, когда этот термин применяется в качестве типологизации религиозных объединений, обобщенного наименования достаточно разнообразных во многих отношениях проявлений религиозного опыта, вероучительных доктрин и обрядовой практики. В американском штате Юта мормоны, несомненно, являются преобладающим и достаточно прочно утвердившимся вероучением, но уже в западных штатах тех же Соединенных Штатов Америки мормоны уже не являются преобладающим вероучением и должны быть отнесены к разряду альтернативных. И если данный критерий последовательно применять к мириадам реально существующих религиозных образований, возникших более сотни лет тому назад или существующих всего лишь пару десятилетий, то выяснится, что «демаркационные линии», по которым проводится разделение религиозных образований на «альтернативные» и «не альтернативные», также порождают проблем и при этом не только академического характера.

Таким образом, термин «альтернативные религии» в зарубежной социологии религии и религиоведении довольно широко применяется для замещения наименования «культ», обремененного, как уже отмечалось, множеством смысловых оттенков, мешающих непредвзятому пониманию природы «культовых объединений» и порождающих скрытые или замаскированные формы их дискриминации их последователей.

1.4. НРД как проявление «оппозиционной религиозности»

Сравнительно редко встречается причисление новых религиозных движений к проявлениям оппозиционной религиозности.

Среди отечественных авторов такой классификации НРД придерживается Т. А. Бажан, издавшая в Красноярске монографию «Оппозицион-

ная религиозность России». Автор выделяет 8 существенных признаков, наличие которых дает основание считать конкретную организацию «оппозиционно религиозной». Анализ большинства из них показывает, что их содержание образуют заимствования из концептуальных построений терминологии антикультового движения, а конкретнее — утверждений о деструктивной природе религиозных новообразований. В своих суждениях о многочисленных, возникавших в далеком прошлом и во второй половине XX в религиозных меньшинствах. Т. А. Бажан фактически расценивает такие меньшинства как «форму, отклоняющуюся от нормы» религиозной мысли и религиозной практики.

Подобный подход доминирует в интерпретации социальных ориентаций организаций, имеющих признаки «религиозной оппозиционности». Для таких организаций характерно «определенное несовпадение интересов социума и религиозной организации по политическим, гражданско-правовым, экономическим, этическим и др. мотивам»²¹. Как поясняет автор, противостояние религиозной организации социальному организму гораздо существенней ее противостояния стабильной церкви, как лидирующему в обществе идеологическому институту. При этом оппозиционность религиозной организации ко всему социальному организму проявляется в стремлении религиозного сообщества «завоевать» свою нишу, добиться определенного социального статуса»²².

Ведение в терминологический оборот понятия «религиозная оппозиционность» Т. А. Бажан объясняет стремлением воздержаться от односторонне отрицательных оценок религиозных движений как «культов» и «сект», давно ставших неблагозвучными и оскорбительными для верующих. В то же время не считается лучшим выходом и неоправданная идеализация подобных организаций, безнравственное игнорирование негативных сторон отдельных религиозных групп.

Таким образом, классификация таких организаций как религиозно оппозиционных позволяет преодолеть обе крайности, получить адекватное представление о религиозных группах, «выпадающих» из магистрального направления развития религиозных организаций, для которого характерны не оппозиционность, гармоничное вхождение в наличный социум. По нашему мнению, подобное суждение не подтверждается реальными процессами возникновения и функционирования организаций, имеющей признаки «религиозной оппозиционности». За редчайшим исключением, в своих начальных манифестах, вероучительных доктринах, нравственных наставлениях появляющиеся объединения заявляют о себе прежде всего (а точнее — исключительно) как религиозные феномены. Но поскольку они возникают и собираются действовать в наличных социально-политических реалиях, то они формулируют (в зависимости от множества самых различных факторов) и свое отношение к этим реалиям. И, как правило, оппозиционное отношение к господствующим конфессиям и к существующим мирским порядкам неразрывно связаны между собой.

Более того, оценка «мира» обычно продуцируется из базовых вероучительных постулатов. Поэтому выделение в качестве главных признаков «оппозиционности» стремление завоевать свою нишу в социуме и добиться определенного социального статуса, не является корректным.

Во-первых, такое стремление неверно рассматривать как неперенное свидетельство оппозиционности; оно может быть отражением отхода от прежней агрессивной модели взаимоотношения с существующими порядками и переход к компромиссной модели. Во-вторых, «оппозиционность» (господствующим верованиям и социально-политическим реалиям) свойственна всем возникающим религиозным группам, в том числе и ранним этапам существования мировых религий. Поэтому в историко-социологическом измерении появление таких групп не является некоей аномалией; их возникновение обусловлено комплексом самых различных факторов.

Особое место в издании отводится иллюстрации проявления данного феномена в России, начиная с крещения Руси и до 1917 г. В специальном разделе дается оценка оппозиционной религиозности в советский и постсоветский периоды. Подробного анализа удостоиваются религиозные объединения, возникшие в России и в зарубежных странах. Примечательная черта этого анализа — причудливое сочетание противоположных подходов к пониманию природы объединений такого типа. С одной стороны, например, отмечается ориентация «закрытых» религиозных организаций не на маргиналов, а на «весьма благополучную, социально стабильную часть интеллигентной молодежи нашей страны»; а с другой стороны, без какого-либо обоснования делается следующий вывод: «и лишь когда потенциальный последователь попадает в такую группу, он становится маргиналом в полном смысле этого слова (утрата социальных связей, дезаптация личности, контроль сознания, психологическая зависимость от руководителя, неспособность самостоятельно принимать решения и т. д.)²³.

Таким образом, автор отступает от сформулированного им же предположения воздерживаться от использования жестких определений — «культы», «секты». В перечне признаков состояния маргинальности, в котором оказывается «представитель интеллигентной части молодежи» добросовестно воспроизведены все основные признаки религиозной организации, которые уже в середине 60-х годов в странах Запада, а спустя три десятилетия в нашей стране стали именовать «культами». Правда, в отличие от последователей идеологии антикультового движения, Т. А. Бажан не объясняет механизм превращения социально благополучной и стабильной личности в маргинала и члена религиозно оппозиционной организации. В то же время книга в избытке заполнена сносками на работы зарубежных и отечественных авторов, раскрывающих подобные метаморфозы при помощи теорий «зомбирования», «программирования», «промывания мозгов», «контролирования сознания» и т. д.

1.5. Культ

Не одно столетие слово «cult», состоящее из четырех букв, встречалось лишь в лексике историков религии, теологов, этнографов и не выходило за рамки сугубо научных изданий. Исключение, пожалуй, образует политологическое использование термина «культ» (культ личности), в публицистике и пропаганде, адресованной широкой аудитории. Но уже в середине 70-х гг. XX столетия этот термин начинает прочно обосновываться во всех видах массмедиа, выносятся в заглавия статей, очерков, теле и радиопередач. И подавляющая часть материалов о культах имела сенсационно-обличительную направленность.

В публикациях многих зарубежных исследователей НРД не объясняются причины использования СМИ термина «культ» преимущественно (а правильнее будет сказать исключительно) с негативным смысловым содержанием.

Издателям, падких до сенсаций журналов и газет, слово «культ» сразу же пришлось по душе своей «краткостью, боевитостью и эмоциональностью»²⁴. К тому же его и без того негативная коннотация могла без особого труда быть усилена такими словосочетаниями, как «самоубийственный культ» и «дьявольский культ». В рекордно быстрые сроки понятие «культ» стало массово использоваться в качестве клише, начинка которого непременно включала в себя «типичные признаки» культа. Приведем некоторые из них: культы занимаются сомнительной, а чаще всего преступной деятельностью; они вовлекают своих последователей посредством обмана и лживых посулов; во главе культов стоят могущественные и беспринципные лидеры, преследующие корыстные цели и манипулирующие сознанием приверженцев культов, нанося вред их психике, разрушая семьи.

Реальность таких характеристик обычно подтверждается рассказами о печальных и трагических судьбах оказавшихся вовлеченными в культы. Обычно такая роль отводится бывшим членам самых разных разновидностей новых религиозных движений. И как бы академические исследователи не протестовали против подобных упрощенческих оценок... «ни один журналист не станет занимать ценное пространство заголовков публикаций громоздким термином «новые религиозные движения». Конечная цель журналистов — писать статьи, и, стало быть, повышать свою репутацию и добывать себе средства существования. Взвешенность и объективность даже могут мешать достижению таких целей»²⁵.

Терминологическую путаницу, царящую сегодня в классификации религиозных меньшинств (и не только их одних) — было ошибочно считать исключительно порождением наших дней, отражением немощи теологов, религиоведов и социологов религии, их неспособности выработать категориальный аппарат, адекватно передающий существенные характеристики религиозного образования или группы таковых.